

Ф. А. Некрашевич

Академия МВД Республики Беларусь, Минск

P. Nekrashevich

Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 947“1772/1856”

РЕКРУТСКАЯ ПОВИННОСТЬ КАК НАКАЗАНИЕ В БОРЬБЕ С БРОДЯЖНИЧЕСТВОМ НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1772–1856 ГГ.)

RECRUITMENT AS A PUNISHMENT AGAINST VAGRANCY ON THE EXAMPLE OF THE BELARUSIAN GOVERNORATES OF THE RUSSIAN EMPIRE (1772–1856)

Служба в армии Российской империи нередко использовалась в качестве меры наказания за некоторые преступления. Одним из таких преступлений являлось бродяжничество. Армия должна была перевоспитать бродяг в законопослушных подданных. Кроме того, российское правительство привлекало бродяг на службу для уменьшения некомплекта в войсках.

Ключевые слова: бродяги; Российская империя; вооруженные силы; рекрутская повинность; перевоспитание.

Military service often used as a punishment for some crimes in the army of the Russian empire. One of those crimes was vagrancy. Army had to reeducate vagrants into law-abiding patriots. Moreover, Russian government used vagrants to solve the problem of shortage of soldiers in the army.

Keywords: vagrants, Russian Empire, armed forces, recruitment, reeducation

Борьба с бродяжничеством всегда являлась одной из важных задач социальной политики государства. Методы борьбы с бродяжничеством различались в разных странах и в разные времена. Для Российской империи XVIII–XIX стст. была характерна классификация бродяжничества как уголовного преступления, поэтому и методы борьбы с этим явлением имели репрессивный характер. Можно выделить три основные формы занятий, к которым государство пыталось приобщить бродяг: работа на промышленных предприятиях, освоение слабозаселенных территорий, а также служба в армии. Учитывая ту роль, которую вооруженные силы играли среди российских государственных институтов, власти были крайне заинтересованы в этом варианте социализации.

Цель данной статьи – раскрыть механизм привлечения бродяг на службу в российскую армию. Хронологические рамки исследования определяются распространением на белорусские губернии рекрутской повинности в 1794 г. и окончанием Крымской войны в 1856 г., после которой в Россий-

ской империи стали проводиться реформы по изменению системы комплектования вооруженных сил.

В Российском законодательстве под определением «бродяги» понимали как жительствовавших, так и переходящих или переезжающих с места на место лиц, не только без ведома надлежащих полицейских начальств и без установленных на то видов, но и без всяких средств доказать свое состояние или звание, или же упорного от этого отказывающиеся [2, т. 20, № 19283]. Если полиция доказывала, что человек являлся бродягой, то одной из возможных мер наказания за это преступление являлась отдача в рекруты.

Механизм поступления бродяг на военную службу был следующим. Если в процессе разбирательства удавалось определить происхождение человека, полиция должна была направить его в общество (городское или сельское), к которому он был официально приписан. Общество должно было решить, принимать ли человека или же сдать в рекруты. При этом потенциальный новобранец должен был соответствовать требованиям, предъявляемым к рекрутам. Согласно «Генеральному о наборе рекрут учреждению» 1766 г. в рекруты принимали здоровых и крепких новобранцев в возрасте от 17 до 35 лет, ростом 160 см [1, т. 17, № 12748]. Рекрутский Устав 1831 г. устанавливал возраст новобранцев в 20–35 лет [2, т. 6, № 4677]. Если же полиции не удавалось установить происхождение бродяги, он принудительно направлялся в подчинение государственных ведомств. Имевшие проблемы со здоровьем направлялись на государственные предприятия. Подростки распределялись в учебные заведения военных кантонистов. Годные к армейской службе поступали в военное ведомство.

Податные слои населения Российской империи были заинтересованы в отправке бродяг на службу в армию. Рекрутский набор был связан с конфликтами внутри обществ по поводу составления рекрутских списков, а также экономическими трудностями в связи с утратой рабочей силы. Поэтому общества были заинтересованы в поиске рекрута на стороне, чтобы сохранить мужчин из своей общины. Государство предоставляло такие возможности. Согласно § 324 Устава Рекрутского 1831 г. общества мещан и крестьян имели право отправлять бродяг на военную службу в зачет будущего набора. Это позволяло уменьшить уровень социальной напряженности в обществе в период проведения рекрутских наборов [2, т. 6, № 4677].

Военное руководство также не возражало привлекать бродяг на военную службу. Причиной этого являлся хронический некомплект вооруженных сил Российской империи. Например, в период 1832–1854 гг. некомплект войск каждый год колебался от 7000 до 104 000 чел. [3, с. 174]. В связи с этим правительство стремилось найти возможность привлечь как можно больше рекрут для уменьшения некомплекта, в том числе и за счет социальных низов общества. Как видим, идея принудительного использования бродяг в качестве военнотружеников в глазах российского правительства позво-

ляла решить сразу несколько важных государственных проблем: улучшить криминогенную обстановку, облегчить выполнение рекрутской повинности для податных слоев населения, а также уменьшить некомплект российской армии.

Со временем идея использования рекрутчины в качестве наказания за бродяжничество претерпела изменения. На наш взгляд, в период 1794–1856 гг. можно выделить несколько этапов применения рекрутской повинности как наказания в отношении бродяг. На протяжении первого этапа (1794–1823 гг.) российское правительство активно стремилось привлечь бродяг на военную службу. На втором этапе (1823–1833 гг.) из-за жалоб из военного ведомства от политики привлечения бродяг на военную службу было решено отказаться. Наконец, на протяжении третьего этапа (1833–1856 гг.) российское правительство вновь вернулось к привлечению бродяг на военную службу, но с использованием системы их специальной подготовки.

Итак, в 1794 г., когда белорусские губернии впервые были привлечены к несению рекрутской повинности, пойманные полицией бродяги стали активно привлекаться на военную службу. Возможность направлять бродяг в рекруты была позитивно встречена населением. Особую заинтересованность проявили местные помещики. Они не хотели отдавать в рекруты физически здоровых крестьян, так как это ударило бы по прибыли помещичьих хозяйств. Поэтому помещики стремились направить на военную службу как можно больше бродяг ради сохранения собственной прибыли. Нередко они намеренно пытались сдать в рекруты даже тех бродяг, которые не соответствовали предъявляемым требованиям. Например, все направленные в 1798 г. из Витебского нижнего земского суда для отдачи в рекруты бродяги оказались негодными к военной службе. При этом российские чиновники намеревались направлять в армию даже таких новобранцев. Дело в том, что в военном министерстве всерьез рассматривали возможность снижения требований при поступлении в рекруты бродяг из-за значительного некомплекта в вооруженных силах. Тем не менее чиновники рассудили, что в случае принятия подобного решения помещики начали бы намеренно направлять для отдачи в рекруты лиц, имевших серьезные физические недостатки [1, т. 25, № 18364]. Поэтому в январе 1799 г. гражданская администрация в белорусских губерниях получила указание строго проверять готовность бродяг к несению военной службы [1, т. 27, № 20459].

Несмотря на очевидное желание властей направить в рекруты как можно большее число бродяг, вскоре представители военного командования стали высказывать на это свое недовольство. Далеко не все бродяги стремились добросовестно служить в армии. Многие из них, едва получив обмундирование, тут же дезертировали и стремились вернуться к прежнему асоциальному образу жизни.

Военное командование пыталось решить эту проблему путем особого распределения бродяг при поступлении на военную службу. Так, в 1808 г. были созданы рекрутские депо – специальные учебные подразделения для подготовке к службе молодого пополнения. Новобранцы сперва должны были пройти обучение в рекрутских депо, а затем поступить на службу в подразделения армии. Практика показала, что обучение бродяг в рекрутских депо не приносило должного результата. В связи с этим в декабре 1810 г. военное руководство приняло решения не направлять бродяг в рекрутские депо, а сразу распределять их на военную службу в местные гарнизонные батальоны [1, т. 31, № 24452]. Эти батальоны предназначались для несения внутренней службы в городах и крепостях. Иными словами, бродяг направляли на службу в менее значимые боевые подразделения.

Вскоре военное ведомство было вынуждено пересмотреть это решение. Новобранцы из числа бродяг продолжали массово убежать и из расположения гарнизонных батальонов. В связи с этим в 1817 г. было принято решение распределять бродяг на службу в отдаленные воинские части [1, т. 34, № 27091]. Например, в 1818 г. уроженцев Витебской и Могилевской губ. направляли в 13-ю пехотную дивизию (г. Каменец-Подольский Подольской губ.), Виленской и Гродненской губ. – в 22-ю пехотную дивизию (г. Херсон, Херсонская губ.), Минской губ. – в 9-ю пехотную дивизию (г. Симферополь, Таврическая губ.), Белостокской области – в 18-ю пехотную дивизию (м. Махновка, Киевская губ.) [1, т. 35, № 27258]. По мнению командования, служба вдалеке от родных мест должна была отбить у бродяг желание дезертировать.

Подобное решение имело скорее обратный эффект. В 1823 г. командующие двух крупнейших соединений российской армии генералы от инфантерии П. Х. Витгенштейн (2-я армия) и Ф. В. Остен-Сакен (1-я армия) пожаловались в военное министерство на возросшее число дезертиров. Большую часть беглецов составляли бродяги и преступники, направленные на военную службу по решению суда [1, т. 38, № 29328]. Ситуация была настолько плохой, что в крепостях уже не хватало камер для содержания пойманных дезертиров.

Доклад генералов означал признание провала плана российского правительства по социализации бродяг посредством рекрутской повинности. Такие новобранцы не только не усиливали боеспособность российской армии, но и создавали серьезную внутреннюю угрозу для общественной безопасности. Если раньше бродяги совершали преступления, связанные в основном с мелким воровством, то теперь среди них благодаря службе в армии появились еще и обученные владению холодным и огнестрельным оружием преступники, способные на совершение тяжких преступлений.

В 1823 г. правительство приняло решение отказаться от использования бродяг на военной службе. Вместо этого в качестве наказания бродяги на-

правлялись на поселение в Сибирь [1, т. 38, № 29328]. Тем самым правительство перешло к политике принудительного переселения асоциальных элементов из густонаселенных регионов Российской империи на ее пустынные окраины. Бродяги, дезертировавшие из армии и вновь пойманные полицией, уже не возвращались в свою воинскую часть, а отправлялись в Сибирь [1, т. 38, № 29251].

Политика «оздоровления» системы комплектования российской армии продолжалась недолго. Уже в конце 1820-х гг. военное командование вновь возвращается к идее привлечения бродяг на военную службу. Это было связано с нехваткой людских ресурсов в рамках существовавшей в то время системы рекрутских наборов. Правительство не решалось на введение всеобщей воинской повинности. Вместо этого был выбран путь распространения рекрутской повинности на новые социальные группы: евреев, граждан и однодворцев западных губерний, духовенство и т. д. [3, с. 172]. Кроме того, рекрутчина стала вновь широко использоваться в качестве наказания за преступления.

В 1828 г. пойманные полицией бродяги с разрешения их обществ и помещиков вновь стали направляться на военную службу [2, т. 4, № 3236]. Затем правительство пошло еще дальше и 21 января 1834 г. был издан указ, согласно которому все годные к службе в армии бродяги западных губерний без производства разбирательства об их происхождении направлялись к отдалеке в рекруты [2, т. 9, № 6733].

Российские власти помнили причины отказа от использования бродяг для военной службы в 1823 г. и пытались учесть ошибки прошлого. Согласно указу от 16 октября 1829 г., бродяг следовало направлять в первую очередь в Кавказское линейное казачье войско, а также в военно-рабочие арестантские роты [2, т. 4, № 3236]. Кавказские казачьи подразделения отличались жесткой дисциплиной, кроме того, перманентные боевые действия в этом регионе затрудняли возможность дезертировать. Военно-рабочие арестантские роты являлись исправительными подразделениями российской армии и выполняли строительные работы в интересах военного ведомства [4, с. 33–39]. Военное руководство пытались воздействовать на бродяг не только путем создания максимально жестких условий прохождения службы, но и посредством проведения воспитательной работы. 25 марта 1836 г. при штабе инспектора резервной пехоты была учреждена должность священника. В его обязанности входили «увещания и наставления в религии бродяг и преступников» [2, т. 11, № 9029].

Для создания условий массового использования бродяг в полках регулярной армии 17 апреля 1837 г. в российской армии были созданы специальные подразделения – исправительные батальоны. В задачи этих батальонов входило «перевоспитание» бродяг и преступников, а также обучение их всем необходимым для будущей военной службы. После прохождения

подготовки в исправительном батальоне бродяг и преступников поступали на службу в регулярную армию. Уроженцы белорусских губерний направлялись в исправительный батальон, учрежденный при резервной дивизии 1-го пехотного корпуса в г. Новгороде [2, т. 12, № 10155].

Через несколько лет военное ведомство признало нецелесообразным содержать специализированные исправительные батальоны. Согласно указу 18 марта 1840 г. они заменялись особыми отделениями при внутренних гарнизонных батальонах. При каждом гарнизонном батальоне создавалось исправительное отделение для бродяг и преступников. Задачи этих отделений соответствовали задачам, стоявшим перед исправительными батальонами.

Система распределения бродяг в исправительные отделения имела свои особенности. Новобранцев отправляли в воинские части, расположенные в близлежащих губерниях. Согласно расписанию 1840 г., уроженцев Могилевской губ. отправляли в гродненский гарнизонный батальон, Витебской губ. – в калужский батальон, Виленской губ. – в псковский батальон, Гродненской губ. – в могилевский батальон, Минской губ. – в смоленский батальон, Белостокской обл. – в рижский батальон. В исправительные отделения гарнизонных батальонов, расквартированных на территории белорусских губерний, также поступали рекруты из соседних российских регионов. В минский гарнизонный батальон поступали бродяги из Смоленской губ., в виленский батальон – из Псковской губ., в витебский батальон – из Калужской губ. [2, т. 15, № 13267].

Период обучения в исправительных отделениях не был строго определен. По истечении каждой трети года командование гарнизонного батальона делало отчет в инспекторский департамент, в котором все состоящие в отделении новобранцы делились на три категории: исправившиеся в поведении, подающие надежду на исправление, а также не подающие надежду на исправление [2, т. 15, № 13267]. Исправление в поведении бродяги означало его готовность к отправке на службу в армию. Если рекрут подавал надежду на исправление, то это говорило о том, что он останется в исправительном отделении еще как минимум на одну треть года. Отсутствие надежды на исправление означало отправку бродяги в арестантские роты. Эта система претерпела некоторые изменения в 1853 г. Исправившиеся рекруты должны были в течение года отслужить в том же батальоне, где они проходили подготовку в дисциплинарном отделении. После этого командование лучших из них направляло на службу в армейские подразделения, остальные должны были продолжать службу в батальоне. Исключение касалось бродяг-евреев. После прохождения подготовки в дисциплинарном отделении они отправлялись на службу в армейские части, расположенные в Финляндии, Кавказе и Сибири [2, т. 28, № 27530].

Для российских властей исправительные отделения оказались достаточно эффективным инструментом отбора бродяг для их рационального

распределения в армейские подразделения. Достойные кандидаты отправлялись на службу в боевые подразделения, а недисциплинированные пополняли ряды арестантских рот и помогали экономить значительные средства за счет массового использования принудительного труда.

На основе многолетнего опыта военное командование пришло к выводу, что большинство новобранцев из числа бродяг годны для службы в арестантских ротах, нежели в боевых подразделениях. 28 февраля 1841 г. вышли изменения в Рекрутский устав 1831 г., касающиеся освидетельствования бродяг при поступлении на военную службу. Согласно этому документу для поступления в арестантские роты перечень заболеваний и физических недостатков, подтверждавших негодность новобранца к военной службе, был значительно сокращен [2, т. 16, № 14155]. Затем были изменены возрастные требования, предъявляемые к рекрутам из числа бродяг. Согласно указу 9 января 1845 г., бродяги в возрасте 17–25 лет направлялись в исправительные отделения при гарнизонных батальонах. Лица старше 25 лет назначались к службе в арестантских ротах [2, т. 23, № 22092].

Таким образом, привлечение бродяг к военной службе являлось важной частью социальной политики российских властей. На протяжении 1794–1856 гг. происходила постепенная адаптация этой системы под требования военного ведомства. Идея о том, что армия способна перевоспитать бродяг в профессиональных солдат, в целом потерпела неудачу. Власти постепенно приходят к пониманию того, что бродяги могут служить источником дешевой рабочей силы для вооруженных сил, но не полноценных военнослужащих. Формально существовавшее к 1850-м гг. наказание в виде рекрутчины на практике в основном означала отправку бродяг в арестантские роты, условия содержания в которых были ближе к тюремным, нежели к военным.

Список использованных источников

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: с 1649 по 12 дек. 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1851. – 45 т.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1884. – 55 т.
3. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д. А. Скалон. – СПб.: Тип. поставщиков двора Е. и. вел. т-ва М. О. Вольф, 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 2, кн. 1, отд. 2: Комплектование войск в царствование императора Николая I / сост. В. В. Шепетильников. – 1907. – 330 с.
4. Курабцева, А. П. Создание арестантских рот военного и военно-морского ведомства в Российской империи / А. П. Курабцева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2015. – Т. 1(67), № 4. – С. 33–49.

(Дата подачи: 17.02.2021 г.)